

ЦИФРОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И МОТИВАЦИОННАЯ СИСТЕМА КАПИТАЛИЗМА

Современный этап развития человеческого общества можно назвать периодом бесконечных непрекращающихся дискуссий по поводу всех без исключения направлений трансформации социальной действительности. Общим местом для всех выступлений является острая критика сложившейся в мире негативной ситуации во всей системе общественных отношений, но видение путей выхода из системного кризиса отличается чрезвычайным многообразием.

Угадать, а лучше сказать — предвидеть, основные направления общественного развития и на основе этого предвидения построить адекватную экономическую политику — значит заведомо получить преимущество по отношению к странам, которые этого не сделают. Причем оптимальным вариантом является максимальная приближенность прагматических и идеологических установок исследователей, занимающихся прогнозированием.

В противном случае мы получим результаты, похожие на итоги холодной войны, когда капитализм в момент своей победы сам оказался в глубоком системном кризисе, который поставил вопрос о невозможности дальнейшего развития общества в капиталистической форме отношений.

Тем не менее многие специалисты считают, что возникновение кризисов связано не с природой существующего общественного устройства, а с нарушением присущих ему от природы положительных характеристик.

Сторонники концепции разрешения современных общественных противоречий путем модернизации капиталистических экономических отношений ссылаются на опыт исторического развития человечества в течение последних двухсот лет. В рамках капитализма были успешно реализованы пять технологических укладов (ТУ), каждый из которых был связан с резким ускорением развития производительных сил общества, развитием его

социальных основ, но при этом сохранял в неизменности базисные отношения капиталистического товарного производства.

До пятого ТУ внедрение каждого уклада приводило к радикальному снижению себестоимости производимого мирового продукта. Сложнее определить реальный эффект пятого уклада. Не случайно возник парадокс Р. Солоу, который, по его мнению, состоит в следующем: «Мы видим компьютеры повсюду, но только не в официальных цифрах роста производительности».

Никто с полной уверенностью не может утверждать, но большинство специалистов считают, что современный общественный глобальный кризис может быть преодолен только путем революционных изменений как в производительных силах, так и в общественных отношениях. Судя по всему, возможности нового технологического уклада не могут быть реализованы в рамках капиталистической организации производства.

В соответствии с существующим в экономической теории законом при альтернативных возможностях развития следует выбирать вариант, который дает наибольший общественный эффект и обеспечивает максимальную мотивацию непосредственного производителя. Причем система мотивации должна оптимально сочетать интересы общества и личности.

Капитализм, успешно справлявшийся с социальной адаптацией производительных сил в течение двух столетий, не выдержал, по утверждению Пола Мейсона, автора книги «Посткапитализм», трех ударов, нанесенных в течение последних 25 лет информационными технологиями по его базисному отношению — капиталистическому товарному производству, а точнее по его мотивационному механизму.

Если вспомнить, что любая экономическая система эффективна до тех пор, пока непосредственный производитель заинтересован в результатах своего труда, то наблюдения Мейсона — просто приговор капитализму как жизнеспособной экономической системе. Во-первых, ослабла, а в некоторых регионах мира исчезла необходимость в работе как обязательном условии

существования человека. Во-вторых, информация «разъедает» способность рынка корректно формировать цены, потому что рынки основаны на дефиците, в то время как информация — это изобилие. В-третьих, мы наблюдаем спонтанный рост совместного производства: товары, услуги и компании появляются, невзирая на диктат рынка или управленческие решения¹.

В развитых странах при существующей системе социальной защиты удовлетворение физиологических потребностей как минимум на уровне, достойном человека, перестает быть функцией обязательного участия в производственном процессе. Стоимость товаров народного потребления быстро снижается и приводит к тому, что человек не стремится обеспечить эквивалентность в обмене. Человек перестает быть экономическим в том понимании, которое вложил в этот термин Адам Смит.

Но не это самое страшное нарушение в мотивационной системе капитализма. Мейсон обращает внимание на потерю крупным капиталом мотивации в инновационном развитии. Проблема до недавнего времени в основном рассматривалась применительно к современному российскому капиталу, возникновение которого считают не вполне легитимным. А. С. Ципко одним из первых понял, какой убийственный удар был нанесен именно мотивационной системе нового зарождающегося общества. Он пишет, что так называемые залоговые аукционы — когда государство запросто раздавало в частные руки национальное достояние, огромные куски общественного пирога, когда можно было стать владельцем миллиардного состояния ни за что ни про что, — навсегда, на поколения вперед, убьют трудовую этику и мораль².

Инновационную немощность российского капитала объяснили нелегитимностью его происхождения, не усомнившись в его природной полноценности. Как объяснить тогда поведение «безупречного» по происхождению западного капитала, которое вызывает серьезные опасения за

---

¹ *Mason P.* The end of capitalism has begun. URL: <http://www.theguardian.com/books/2015/jul/17/postcapitalism-begun-end-of>.

² *Ципко А. С.* Драма перестройки: кризис национального самосознания // Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние. Научные записки и очерки. М. : Ин-т эконом. стратегий, 2008. С. 88.

последствия отрыва финансового капитала от материального. Об этом как о реальной угрозе экономической системе пишут в последнем прогнозе члены Римского клуба, на аморальность финансового капитализма указывает бывший президент Франции Н. Саркози.

Сегодня в капиталистическом предпринимательстве происходят изменения, которые академик Г. Б. Клейнер назвал процессом декоммерциализации. Суть его идей состоит в следующем. В последние годы в мировой экономике становится все более заметной тенденция расслоения экономического пространства как сферы реализации пересекающихся на разных уровнях процессов производства, распределения, обмена и потребления на две части: на собственно экономику и создание новой стоимости и на бизнес как процесс извлечения прибыли. При этом сфера некоммерческой деятельности завоевывает все большую часть пространства, оттесняя бизнес на периферию «нравственной топологии» общеэкономической сферы. Идет спонтанный процесс декоммерциализации экономики³.

Здесь следует обратить внимание на то, как меняется роль некоммерческих факторов в принятии стратегических решений, затрагивающих основы общественного устройства. Из факторов второго ряда они превращаются в решающие аргументы при принятии решений. Речь уже идет не столько о добровольном отказе от примата традиционных стоимостных критериев при расчетах эффективности инвестиционных проектов, сколько о вынужденном выборе некоммерческих аргументов в качестве решающего фактора принятия тех или иных решений.

Говоря о декоммерциализации, мы имеем в виду преодоление нравственной ущербности капиталистического товарного производства, доминирующей целью которого становится максимизация прибыли, а не удовлетворение общественных потребностей. Сегодня речь идет не об отказе

---

³ Клейнер Г. Декоммерциализация экономики как культурный проект на пути к созданию культурологической теории экономики // Гуманитарий юга России. 2015. № 2.

от предпринимательской деятельности, а об установлении разумного равновесия между конечной и непосредственной целями производителей.

Предполагалось, что усиление общественного характера производства будет сопровождаться возрастанием роли государства, точнее его функции планомерности. А процесс повышения уровня обобществления производства приведет к уменьшению роли и абсолютному сокращению размеров товарно-денежных отношений (ТДО) за ненадобностью, поскольку вторым обязательным условием появления и существования ТДО является обособление производителей как разных собственников, которое исчезает в рамках непосредственно общественного производства. На самом деле процесс обобществления сегодня сопровождается не усилением централизации в традиционном виде, а, наоборот, уменьшением иерархического плано-принудительного начала. Рыночные механизмы при этом не исчезают, а трансформируются.

Первым условием существования ТДО является возникающая вследствие общественного разделения труда необходимость в обмене между разными производителями результатами производства. При любой трактовке стоимости или ценности именно она лежит в основе эквивалентного обмена. Стоимостная основа обмена в современном обществе начинает размываться. Уже ставится вопрос о том, что при товарном обмене основой должна быть не стоимость средств производства для выпуска продукции, а потребительная стоимость выпускаемой техникой продукции.

Но уже есть форма обмена не стоимостью, а свободным временем, взаимными услугами без требований компенсации. Появляются сетевые структуры организации производства, в которых нет традиционных отношений иерархии. Производители делают это добровольно и так же свободно из них выходят. Эквивалентны ли эти отношения? Да, но не на основе стоимости. На стоимости они строятся, когда речь идет либо об угрозе физическому или социальному существованию одного из субъектов, если он не возместит затраты на произведенные товары или услуги, либо о стремлении

к наживе. Участники отношений, выстраиваемых в Сети, получают от сотрудничества ровно столько, сколько хотят, потому что здесь нет принуждения и начальников в традиционном понимании. Если это и не новые по сути ТДО, то по крайней мере на их месте возникают новые непосредственно-общественные отношения.

Социализация производства проходит по линии трансформации, декоммерциализации капиталистических товарных отношений. Это станет окончательно ясно, когда в результате развития производительных сил исчезнет необходимость работать исключительно ради удовлетворения насущных потребностей.